

АНДРЕЙ КОЛЕСНИКОВ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДОПРЕДИСЛОВИЕ	7
ПРЕДИСЛОВИЕ	19
ПРО ЖИЗНЬ И ПРО СМЕРТЬ	41
ПРО ВРАГОВ	98
ПРО ВОЙНУ И ПРО МИР	140
ПРО УПРАВЛЕНИЕ	186
ПРО СИЛУ	223
ПРО ЕВРОПЕЙЦА	250
ПРО БУДУЩЕЕ И ПРОШЛОЕ	276
ПРО ТЩЕСЛАВИЕ	321
ПРО ОДИНОЧЕСТВО	355
ПОСЛЕПРЕДИСЛОВИЕ	404

ДОПРЕДИСЛОВИЕ

В первую свою командировку с Путиным я вообще-то выехал без Путина. Я тогда не работал в кремлевском пуле. Мы написали тогда с Натальей Геворкян и Натальей Тимаковой книжку «От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным». И я тогда занимался таким эпическим жанром в журналистике, который главный редактор «Коммерсанта» Андрей Васильев называл «путевыми заметками». И, честно говоря, ни о чем таком даже не помышлял — работать в кремлевском пуле.

Мне казалось (самонадеянно, конечно), что после такого времени, проведенного с Владимиром Путиным чуть ли не наедине, да еще после ночных разговоров, стать просто одним из журналистов кремлевского пула — это как-то несерьезно, что ли. И я, честно говоря, после книжки с облегчением вернулся к тем занятиям, которые у меня были до этого. Я писал большие очерки, репортажи размером в полосу-полторы про русский характер. Были у меня заметки о том, например, почему наши люди — те же рыбаки — так бескомпромиссно, прямо в полынью зимой шагают за корюшкой в Финском заливе или едут на своих внедорожниках считай что в воду — подальше, на километр-два от берега, понимая, что даже если они прорвутся туда, в глубь Финского залива, то обратно днем, когда уже все подтает, они уже точно не вернутся никогда.

Корюшка и рыбаки очень похожи. Их привлекают риск и опасность. И у тех, и у других есть шанс. Рыбак ведь может и не оторваться от берега на льдине, а корюшка может и сорваться с крючка...

На бескрайнем льду Финского залива столкнулись две машины, «шестерка» и «девятка». Столкновение было практически лобовое. «Девятке» при этом досталось больше. А еще больше досталось водителю «девятки», которого до крови избил водитель «шестерки». Тот был уверен, что это «девятка» нарушила правила, не уступив дорогу. Водитель «девятки» с риском для жизни утверждал, что почему-то нигде не видел знака «Уступи дорогу», да и вообще склонен был вызывать гаишников. Его машина, как потом выяснилось, была застрахована, и ему позарез нужна была справка для страховой компании.

— Вот это я понимаю! — восхищенно сказал Виктор Иваныч. — Вот это съездили люди на рыбалку!

И вот я писал про русский характер. Почему наши люди такие. Почему они летом тонут. Почему они идут, приняв, купаться, прекрасно зная, что назад уже не вернуться, но все равно идут в воду и тонут в московских водохранилищах. И все это имело под собой конкретное такое объяснение, что это все — русский характер. Вот такой он у нас.

Кстати, Владимир Путин, не стань он президентом, все равно мог оказаться героем моих очерков как раз про этот самый русский характер. Он же, собственно говоря, в каком-то смысле образец русского характера.

Тут надо понимать, правда, что такое русский характер. Надо понимать всю его абсурдность, авантюренность, непредсказуемость и при этом потребность человека, великого носителя русского характера, идти во что бы то ни стало и вопреки здравому смыслу чаще всего, идти и побеждать в конце концов в обстоятельствах, в которых победить невыносимо, а главное, чаще всего незачем. Это и есть апофеоз русского характера.

Вспомните, например, полет со стерхами. Это апофеоз русского характера. Ну зачем это было делать? Вот кто это может объяснить? Вот садишься в этот аппарат, принимаешь вид погонщика стерхов и ведешь их как пастух разбредующееся стадо. Для этого, конечно, нужно обладать русским характером.

Минут 15 Владимир Путин кружил в воздухе, управляя дельтапланом. Или нет для этого профессионалов? Почему обязательно самому надо было возглавить стаю стерхов? А очень нравится, сам он объяснил потом, «адреналинчик играет», не то что на истребителе, где ручку управления берешь, делаешь «бочку» (сознательно или скорей незоснательно), да и все, дальше автоматика работает...

— Всем рекомендую попробовать, — закончил президент.

Рационального объяснения этому нет, конечно. Можно пытаться объяснить это с точки зрения пиара, но и это не будет объяснением. Никакой идеей пиара это не исчерпывается. Это русский характер — взять и взмьть в небо со стерхами с большим риском приземлиться, как Икар на самом-то деле. И такие поступки были

свойственны Владимиру Путину, особенно в начале его президентского пути.

Но это не просто порыв. Это более или менее осознанное, но не до конца осознанное им самим действие. И даже скорее всего до конца не просчитанное, потому что такие действия до конца невозможно просчитать. Все равно остается высокая доля риска.

Что он думает в этот момент? Наверное, что-то вроде: я, во-первых, хочу, во-вторых, должен — но это же надо еще самому себе объяснить, почему ты должен, ведь с точки зрения здравого смысла это бессмысленно; ты это все равно себе до конца никогда не объяснишь. Но ты садишься в этот истребитель или даже в комбайн и, не умея им управлять, но в уверенности, что ты все равно сейчас научишься — ну чему там учиться особо, да? — трогаешься, чуть не наезжая при этом на своего же пресс-секретаря, который спасается просто чудом... Это — русский характер. Что же это еще?...

Была у меня еще заметка про наступление грибов в Воронежской области, которая помимо моей воли на моих глазах почему-то, по мнению многих, превратилась в классику жанра, каковой она, по-моему, не является. Я бы переписал там, например, полностью финал. Он был бы другим, лучше. Мне так сейчас кажется. Хотя, может, еще через полгода мне бы так уже совсем не казалось — и это нормально, наверное. И это, наверное, говорит о том, что моя журналистика не омертвела во мне самом.

И вот я писал спокойно эти заметки и считал, что я в этом жанре себя не исчерпал.

Сосед начальника ГО МЧС Воронежа на днях отравился грибами. К счастью, отравился он не сильно, потому что не успел съесть много, ему промыли желудок и выписали, он очень просился домой.

Зачем же он просился? — спросите вы. А просто он хотел доесть эти грибы, потому что не пропадать же им, в конце концов. А доев, он через несколько дней и умер в больнице.

В городе и области, считай, военное положение. Идет война с грибами. Грибы побеждают. Их запрещено собирать и продавать. Распоряжениями руководства города и области установлены наказания за хранение, употребление и распространение грибов.

Но вот гражданина Денисова наряд милиции задержал с поличным прямо в Центральном парке. И вроде ему деваться некуда: пакет с грибами в руках. У него проверяют документы. Оказывается, это не просто Денисов, а сотрудник станции защиты растений. Ему говорят:

— Как же так, нехорошо, гражданин, вы же лучше других должны понимать, какая обстановка в городе...

А он встает в позу обидевшегося человека:

— Да я всю жизнь эти грибы собираю и собирать буду! Потому что я не только грибник, а и человек, и у меня тоже есть права.

Тогда милиционеры на ходу меняют тактику и говорят:

— Вот мы вам их сейчас и прочитаем. Итак, гражданин, пройдемте в отделение, составимте протокольчик...

Денисов тут бледнеет, как поганка, потому что не хочет провести ночь в КПЗ даже из-за любви к грибам, и тоже тогда меняет тактику:

— Значит, так. Я эти грибы не собирал.

— Как это? — делано удивляются милиционеры.

— Я их... нашел!

Тут уж милиционеры по-настоящему удивляются. Они чувствуют подвох, но не могут его обнаружить.

— А разница-то какая? — честно спрашивают.

— Такая! — с торжеством говорит Денисов. — Нашел всю кучу прямо в пакете, поднял, чтобы посмотреть, нет ли в ней ложных опят и бледных поганок, а тут вы!

— Не хитрите, гражданин, — облегченно говорят ему милиционеры, поняв, наконец, смысл этой уловки. — Вас взяли с поличным.

И тогда Денисов в полном отчаянии решает на крайнюю меру:

— Нет, не взяли. Мне их подбросили, эти ваши грибы!

— Кто?

— Вы!

— Когда?

— Только что! Я сам видел...

И этот разговор продолжается еще долго и заканчивается штрафом в размере трех МРОТ прямо тут, в Центральном парке, хотя мог закончиться и гораздо, гораздо хуже, потому что милиционеры очень обиделись на его последнее предположение.

А еще я отвлекался и на сиюминутные события, которыми страна жила, ездил на репортажи в горячие точки. Но не так, конечно, часто, как в «Московских новостях», где это раньше было моей непосредственной работой. Но тем не менее по мере необходимости и такое тоже было. А потом раз — и поступило предложение от главного редактора Андрея Васильева закрыть брешь, которая образовалась в кремлевском пуле после ухода Вики

Арутюновой, которую позвали на ВГТРК, где она до сих пор работает, по-моему, заместителем гендиректора по связям с общественностью, и я согласился. Он меня купил тем, что это хотя бы на две недели, ну, максимум на месяц, пока мы ищем замену Вике — все равно, значит, без тебя с этим никто особо не справится.

До этого была история с «Курском». Когда я, еще не будучи журналистом кремлевского пула, там оказался. Это была сложная история. Ни одного журналиста из этого так называемого кремлевского пула там ведь не было, в Видяеве. Потому что Владимир Путин хотел поговорить с матерями и с женами подводников (а все ведь понимали, что на самом деле со вдовами уже) один на один. Тележурналист Аркадий Мамонтов, именно тогда — и, видимо, насовсем — прославился своими ежечасными, без преувеличения, прямыми эфирами на канале «Россия 1» (тогда он, по-моему, РТР назывался). Он тоже туда не ехал же. Ему тоже сказали, что там ничье присутствие не желательно. Да и там-то, внутри, не было журналистов. И по той же самой причине. Все объясняли это слишком деликатной ситуацией. Хотя эту ситуацию нельзя было считать настолько деликатной, я полагаю, чтобы заблокировать все Видяево от журналистов. Потому что это было то, чем жила не только Видяево — этим жила тогда вся страна. Вся страна умирала вместе с этими моряками и нуждалась хоть в какой-то информации об этом. А ежечасные включения такие заполнить хоть чем-то — да, это был подвиг...

В результате то, как я попал туда, было такой совершенно репортерской историей, конечно. У нас в это время активно работал Российский фонд помощи, который был создан по мотивам существования газеты «Не дай Бог!», функционировавшей в 1996 году, накануне выборов президента России. И в чем-то, а большое количество людей настаивают, что во многом, я считаю, оказавшей влияние на эти выборы. В последнем номе-

ре мы напечатали, когда уже было ясно, что победили товарища Зюганова, и притом триумфально, письма людей, которые читали эту газету (а они не могли ее не читать, потому что она распространялась тиражом в 10 млн экземпляров, на прекрасной бумаге, к тому же еще и бесплатно; это было единственное издание, которое лежало во всех почтовых ящиках страны; формата — как тогда называли — «Правды»).

И там был адрес редакции. Люди брали в руки эту единственную доступную им газету, видели этот адрес — а они же еще помнили, что можно написать в газету, и получить ответ, и решить проблему. И мы получали просто мешки писем с просьбами о помощи. И тогда Володе Яковлеву, владельцу «Ъ», пришла в голову светлая идея сделать Российский фонд помощи, которым занялся Лева Амбиндер, работавший в газете «Не дай Бог!» не помню уже даже кем. Сейчас это грандиозная организация, у него там 300 человек работает. Называется она сейчас «Русфонд» — как я понимаю, так короче. Но выросла она оттуда, из Российского фонда помощи.

И, в общем, мы с сотрудником Российского фонда помощи обратились с просьбой взять нас на борт с родственниками, которые летели в Видяево из Москвы.

Просьба была законная, потому что мы реально хотели помочь: мы хотели составить полные списки, которых не было тогда; и благодаря нам, кстати, они появились — точные списки подводников — в общественном пространстве. Они до этого были такие сбивчивые, противоречивые. Даже там, на месте, в Видяеве. И мы занимались тем, что составляли их; и я тоже занимался этим, помимо того, зачем туда приехал.

А вообще, конечно, это было для меня впечатляющее зрелище. Во-первых, мы летели тем бортом только с родственниками. Потом вместе с родственниками сели в два или три автобуса, и — в чем, собственно,

впечатляющее зрелище и состояло — эти автобусы выезжают за ворота аэропорта, и я вижу десятки, наверное, даже сотни журналистов, которые стоят по обе стороны автобусов у забора. Стоят, значит, коллеги наши... А я — ну чего говорить, спецкор газеты «Коммерсантъ» — смотрю на них из-за затемненных окон этого автобуса и еду дальше напрямик в Видяево.

По-журналистски это было, наверное, то, что тогда было нужно. И жили мы вместе с ними на пароходе, и со многими тогда просто породнились, я считаю. И большая часть моей работы там была не журналистская, а именно в качестве сотрудника этого фонда. То есть я не занимал чье-то место. Мы много сделали.

На встрече с президентом Путиным в Доме офицеров гарнизона Видяево рядом со мной сидела немолодая женщина. Она задала несколько вопросов президенту, и он долго отвечал, так долго, что она, мне показалось, потеряла к нему интерес и спросила меня, верю ли я в то, что он действительно отдаст деньги, которые только что пообещал ей и остальным родственникам. «Я, — сказала она, — не верю, потому что такого еще не было». Она была в курсе ситуации в Южно-Сахалинске, когда после землетрясения правительство России пообещало предоставить всем пострадавшим квартиры и даже дома — и почти никому в итоге ничего не дало. Знала, что, когда взорвались дома в Москве, Лужков свои обещания выполнил, а правительство России опять обмануло людей.

Я мог сам привести и другие примеры, но не стал. Потому что дело-то не в этом. Выполнит или не выполнит свои обещания президент? Не